

После этой битвы Гу Юаньбай верил, что княжеский двор и министры каждого клана будут сотрудничать.

После того как скрытая злокачественная опухоль стала бы заметна и их проступки были бы раскрыты, Гу Юаньбай лично отправил бы тех людей, которые остались в столице, в Цзинхунань и Цзяннань, чтобы отправить их на встречу с остатками сил Лу Фэна.

В то время он получил бы хорошее представление в виде "собаки, которая ест собаку".

Поэтому, как ни посмотри, их головы дадут наилучший эффект. После того, как эти головы наводят ужас на несколько официальных резиденций, Гу Юаньбай мог отдать их в качестве подарка оставшимся силам.

Получив такой благосклонный подарок от императора, можно было надеяться, что они почувствуют вдохновение, быстрее пройдут страх и ужас. Затем они сразятся с могущественными магнатами в этих двух местах и заберут их богатства, крестьян и плодородные земли.

Истребить их, а потом ждать, пока их истребит Гу Юаньбай.

Император простудился и, вдобавок ко всему, кашлял кровью. Все врачи в императорском госпитале были заняты. После многократного измерения пульса они пришли к выводу, что императора рвет кровью из-за тревоги, которая напала на его сердце. Чтобы позаботиться о своем теле, он не должен слишком много думать.

Он последовал совету врачей и выделил для себя время для работы каждый день. В эти часы он делал как можно больше работы, а остальное время проводил, прогуливаясь по императорским садам, читая книги и записывая запомнившиеся ему современные знания, чтобы не забыть их раньше, чем они ему понадобятся.

После нескольких таких дней его простуда постепенно излечилась. Послав начальника метеорологического бюро предсказать погоду, Гу Юаньбай добавил в свои планы поездку с великой императорской наложницей Ван в храм императорской семьи.

Рано утром следующего дня карета выехала из дворца.

Сюз Юань следовал рядом с окном со своей лошастью. Он был полон энергии и красив. Когда он увидел, что Гу Юаньбай открыл окно кареты, он медленно улыбнулся и спросил: "Вашему Высочеству холодно?".

Поскольку был апрель, утро уже не было холодным. Гу Юаньбай снял с себя тяжелую одежду и, надев на голову зеленую корону, с мягкой улыбкой на лице, стал похож на красивый и ценный нефрит.

Мимо кареты пролетела белая бабочка, и взгляд императора бессознательно последовал за ней. Вдруг большая рука протянулась и быстро и точно взяла бабочку в руку.

Сюэ Юань улыбнулся и поднес сжатый кулак к глазам Гу Юаньбая. "Ваше Высочество, вас интересует эта вещь?"

В глазах Гу Юаньбая появился интерес. "И что?"

Сюэ Юань собирался посвятить эту бабочку ему?

Сюэ Юань слегка улыбнулся и медленно раскрыл ладонь. В центре его ладони лежала окровавленная бабочка. Белые крылья бабочки были окрашены желтой кровью. Бабочка, которая еще мгновение назад летала вокруг него, была раздавлена Сюэ Юанем насмерть.

"Не могу поверить, что она умерла", - с жалостью сказал Сюэ Юань, взяв вину на себя. "Это вина этого чиновника, что он применил слишком большую силу. Прошу прощения у Вашего Высочества".

Гу Юаньбай легкомысленно сказал: "Выбрось ее".

Сюэ Юань бросил бабочку на землю, достал носовой платок и вытер руку. Как только кровь была вытерта, он показал чистую ладонь императору и улыбнулся. "Ваше Высочество, как это выглядит?"

Гу Юаньбай слегка поднял глаза. "Не очень хорошо".

"Этот чиновник считает, что она чистая". Сюэ Юань отстранил руку. "Кровь легко очистить, просто вытерев ее. После этого, кроме Вашего Высочества, кто еще может знать, что этот чиновник случайно раздавил бабочку?"

"Нас не интересуют бабочки". Гу Юаньбай поднял брови, думая, что интересно поболтать с Сюэ Юанем. "Нас интересует лошадь, под которой вы находитесь".

Уголок рта Сюэ Юаня приподнялся. "Этот чиновник тоже вез Ваше Высочество, причем уверенно. Разве по сравнению с лошадью я не лучше?"

Гу Юаньбай сказал: "Всегда общительнее, чем зверь".

Уголки рта Сюэ Юаня напряглись. Когда его брови были сведены, все его лицо выглядело мрачным и острым, но вскоре он снова рассмеялся и сказал: "Если Ваше Высочество интересуется лошадью ниже меня, не лучше ли выйти из кареты и сесть на лошадь этого чиновника?"

Гу Юаньбай потерял интерес, сказал "Нет" и закрыл окно.

Сюэ Юань посмотрел на карету и мрачно улыбнулся.

Он вовсе не собирался приглашать Гу Юаньбая покататься на лошади, но теперь, когда молодой император отказался, Сюэ Юань почувствовал, что должен вытащить его из кареты и заставить это сделать.

Гу Юаньбай открыл книгу, и молодой евнух рядом с ним спросил: "Какой чай Ваше Высочество желает сегодня пить?".

"Чайник зеленого "Шуанцзинь", - сказал Гу Юаньбай, - заваривай полегче".

Молодой евнух осторожно достал чай и сказал: "Хорошо".

Зеленый "Шуанцзин" был чаем, который император с удовольствием пил в последнее время. Когда его заваривали в воде, цвет получался чистым и прозрачным, вкус - мягким, а приторный аромат надолго оставался во рту. Молодой евнух осторожно заваривал чай, и в тот момент, когда император рядом с ним перевернул страницу книги, карета вдруг стала неустойчивой, и вся она затряслась.

Гу Юаньбай прижался к стенке кареты и резко спросил "Что случилось?!".

Чай в карете пролился повсюду, а слои мягких одеял полностью промокли. Невозможно было найти чистое место, чтобы сесть или встать прямо, карета была просто непригодна для использования.

Снаружи послышался шум, и Гу Юаньбай сразу же вышел из кареты, держась за халат и нахмутив брови, пошел посмотреть. Оказалось, что в ногу лошади, ведущей карету, вонзился глубокий острый камень, и лошадь упала на землю, завывая.

Веко Гу Юаньбая дернулось, и он огляделся.

Вдоль дороги действительно было много мелких камней, и некоторые из них были острыми. Но так совпало, что один из камней попал в ногу лошади под таким сложным углом, и вся повозка оказалась залита чаем.

Гу Юаньбай холодно улыбнулся. "Чжан Сюй".

Охранник подошел и сказал: "Ваше Высочество, я пошлю кого-нибудь, чтобы увезти раненого коня. На карете уже невозможно ехать. Ваше Высочество, почему бы вам не сесть на лошадь этого чиновника, а я пойду впереди?"

"Нет, - сказал Гу Юаньбай, - это слишком медленно, Великая императорская наложница Ван все еще ждет нас".

В этот момент подошел Сюэ Юань, ведя свою лошадь. Он погладил гриву своего скакуна и неторопливо спросил: "Ваше Высочество, почему бы вам не попробовать прокатиться на лошади этого чиновника?"

Капитан караула нахмурился и, собираясь возразить, услышал, как Сюэ Юань медленно произнес. "Хозяин этой лошади немного более общителен, чем зверь, поэтому лошадь должна быть умнее некоторых людей".

"Этот чиновник везет Ваше Высочество, - с сарказмом сказал Сюэ Юань, - и лошадь этого чиновника тоже повезет Ваше Высочество".

Гу Юаньбай посмотрел между ними, прищурился, потом сказал: "Сюэ Юань поедет с Нами. Чжан Сюй, ты возьмешь нашего евнуха".

Сюэ Юань почтительно повернулся боком и сказал: "Ваше Высочество, если вам угодно".

Гу Юаньбай бросил на него многозначительный взгляд, привстал на стременах и сел на лошадь. Хотя его тело было не в лучшем состоянии, это не означало, что он не мог ездить верхом и стрелять. Его выносливость была слабой, но основные навыки не были позорными.

После того, как он так плавно сел на лошадь, Сюэ Юань, все еще держа поводья, собирался тоже запрыгнуть на лошадь. Однако неожиданно Гу Юаньбай резко сжал его ноги и поднял хлыст. "Вперед!"

Лошадь начала бежать, и Сюэ Юаня протащило по земле более десяти метров. Затем, полагаясь на силу своих рук, он взобрался на лошадь и сел позади молодого императора.

Все его тело было покрыто пылью, а на руках были пятна крови. Половина его тела словно горела, и он представлял собой жалкое зрелище. Глаза Сюэ Юаня были полны ярости, и, почувствовав во рту вкус крови, он спросил: "Ваше Высочество, зачем вы бежите?"

"Сюэ Юань, - прошептал Гу Юаньбай, - неужели нас так легко обмануть?"

Сюэ Юань протянул руку за талию молодого императора и крепко ухватился за поводья в руке молодого императора. Его рука была в крови и синяках от запутывания и волочения, но она все еще была очень энергичной и ничуть не дрожала.

"Я* испортил одну из ваших лошадей, - сказал Сюэ Юань с кровавым дыханием на ухо Гу Юаньбаю, - и вы позволите мне умереть?"

(* - Обращение к себе как к 老子 laozі в этом предложении звучит высокомерно и подразумевает, что говорящий находится в авторитетном положении старейшины)

"Ваше Высочество, как вы можете быть таким жестоким?"

<http://bllate.org/book/15154/1338822>